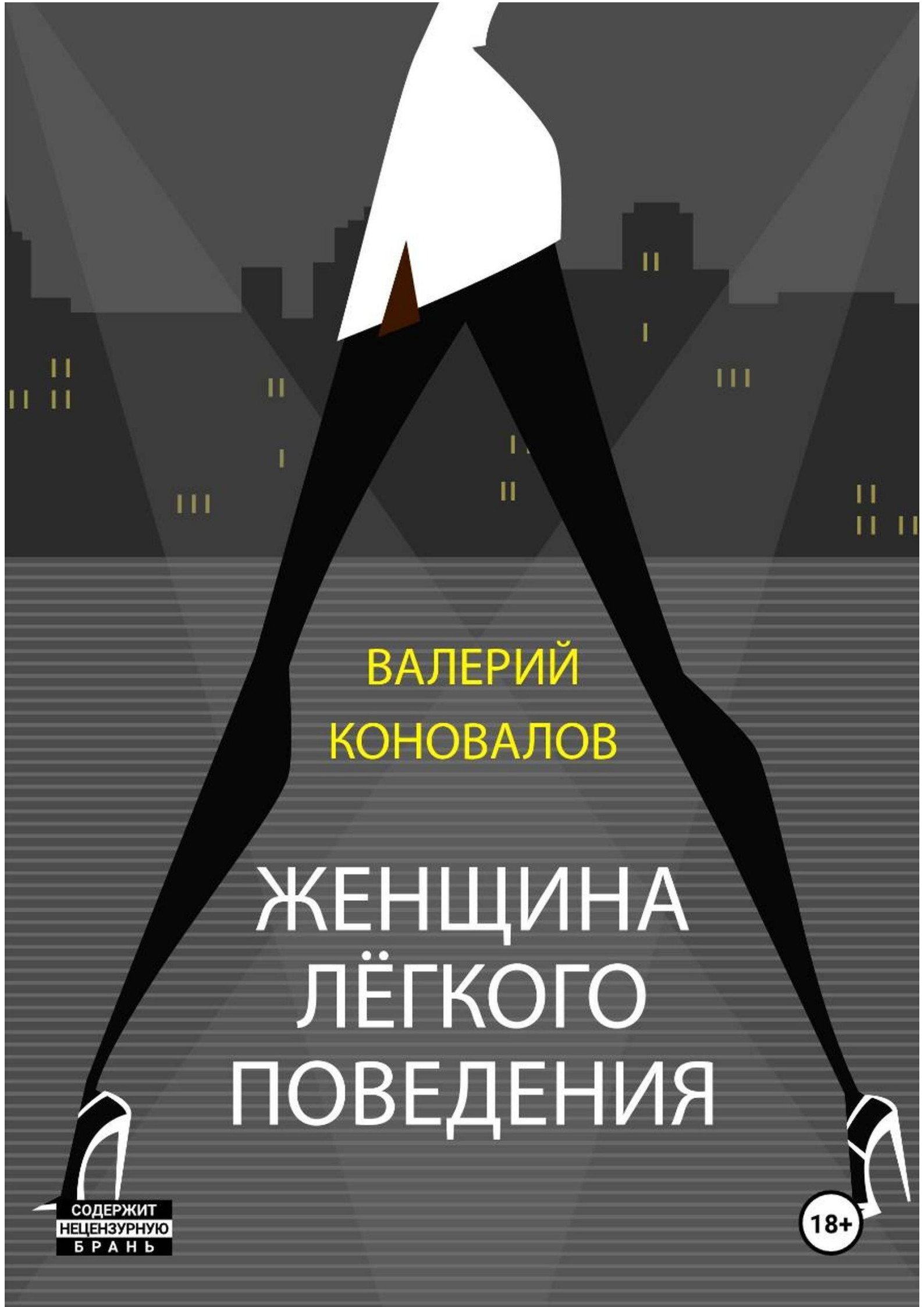

ВАЛЕРИЙ
КОНОВАЛОВ

ЖЕНЩИНА
ЛЁГКОГО
ПОВЕДЕНИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Коновалов

**ЖЕНЩИНА ЛЕГКОГО
ПОВЕДЕНИЯ**

«Автор»

2026

Коновалов В.

**ЖЕНЩИНА ЛЕГКОГО ПОВЕДЕНИЯ / В. Коновалов —
«Автор», 2026**

Легко ли быть женщиной лёгкого поведения, особенно в СССР, и всю жизнь скрывать свою порочную страсть. Любить не тех, кого любишь и ненавидеть любящих тебя. Брать деньги за свою любовь и одновременно с этим корить себя за полученное наслаждение.

© Коновалов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Валерий Коновалов

ЖЕНЩИНА ЛЕГКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Легко ли быть женщиной лёгкого поведения и всю жизнь скрывать свою порочную страсть? Любить не тех, кого любишь и ненавидеть любящих тебя. Брать деньги за свою любовь и одновременно с этим корить себя за полученное наслаждение.

1

Эта надпись на крыше соседнего дома всегда была перед её глазами, стоило повернуть голову, сидя за столом на кухне или одёрнув штору в детской, выглянуть в окно. По ночам её подсвечивали прожектора, а чуть позже буквы начали светиться ярким неоновым светом, отчего в комнате маленькой девочки всегда было празднично, даже когда вокруг праздником и не пахло. Это были первые буквы, которые Ларочка осознанно сложила в слова, а потом эти слова сложила в предложение. "Летайте самолётами Аэрофлота" - уговаривала горожан надпись на крыше. Лара не знала, чем летают жители её города, но для себя решила, что когда вырастет, то обязательно будет летать только самолётами Аэрофлота, и окончив школу, записалась на курсы стюардесс, тогда это можно было сделать без всяких протекций. Мало того, что она была красива и стройна, так ещё и в совершенстве владела немецким языком, не тем, что преподавали в школе и который не понимали немцы, а живым языком. Мама сразу после войны привела в дом человека, похожего на шпиона, он был в широкополой шляпе, длинном драповом пальто и чёрных лакированных туфлях, и говорил исключительно на этом языке. Так они и учились - он, вместе с маленькой Ларочкой, осваивал русский, а она, благодаря ему, познавала азы настоящего немецкого. Девочка так и не узнала, кем был этот дядя, умевший быстро собирать и разбирать пистолет, делать вкусные бутерброды и одной ногой набивать мяч по столько раз, что Лара сбивалась со счёта. Его через несколько лет увезли ночью дяди в красивых милицейских фуражках, а мама никогда ничего о нём не рассказывала, плакала иногда, но тайну зачем-то хранила, наверное, боялась ранить детскую психику, или просто боялась.

А ещё Ларочке льстило, что её маму можно было увидеть в кино, и что на афишах, висящих на фасадах кинотеатров, писали её имя - Александра Савицкая, она появлялась даже на обложке журнала "Советский экран", и открытки с её портретом продавались в газетных киосках. А потом, вдруг, всё куда-то неожиданно исчезло; и фильмы, и афиши, и открытки, к Ларе перестали приходить даже самые закадычные подруги и по вечерам в их квартире больше не собирались шумные компании маминых приятелей с киностудии. Но несмотря на то, что теперь мама не снималась в кино, а подметала по утрам двор, что чай, который она заваривала, стал невкусным, борщ жидким, а хлеб чёрствым, Ларочка с выбранного пути не свернула, и именно там, на высоте десять тысяч метров, в самолёте Аэрофлота, она встретила свою первую любовь.

Кто не читал тогда повести Альберта Кошкина, да и в лицо его знала почти вся страна, это было время, когда поэты и писатели собирали стадионы и были вершителями дум. В полёте пассажиры следили за каждым его движением, нечасто же встретишь, вот так запросто, настоящую звезду. А вот он неотрывно следил за девушкой в строгом костюме, которая изящно повиливая бёдрами, расхаживала между рядов, угощала всех желающих леденцами "Взлётные" и минеральной водой "Боржом". В самолёте заговорить не удалось и он подкараулил Лару у служебного выхода для лётного состава, и оттеснив, идущего рядом с ней пилота, протянул девушке огромный букет красных гвоздик.

- Если вы не согласитесь пойти со мной на свидание, я буду летать каждый день, теми же рейсами, что летаете вы, съем все леденцы, что есть на борту и умру от передозировки сладкого, - произнёс писатель, неотрывно глядя в глаза растерянной стюардессы.

Та взглянула на него, но виду не подала, как у неё внутри всё трепещет от осознания того, что с ней рядом стоит знаменитый советский писатель, а тут еще это предложение...

- Лара, соглашайся, - радостно защелбтали её коллеги.
- Смотри какой видный мужчина, да ещё и с букетом...
- Здесь цветов рублей на сто...
- Автограф только не забудь взять...

Лара пришла в себя лишь на следующее утро, обнаружив, что лежит голая в чужой постели. До этого ей не доводилось оказываться в такой пикантной ситуации и пугал тот факт, что ничего невозможно было вспомнить. А вспомнить хотелось, ведь это был её первый секс. Как потом жить с пониманием того, что ты не знаешь каково это, стать женщиной. Лара натянула простынь до самого подбородка и привстала, чтобы оглядеться - цветы, пустые бутылки из-под шампанского, разбросанная по полу одежда и сладостная боль во всём теле... Это чувство можно было назвать приятным, если бы не дичайшая головная боль.

Эта была спальня, и на какое-то время она стала её любимым местом, где Лара не только получала заслуженное наслаждение, но уединялась вместе со своими мыслями, чтобы подумать о том, как распорядиться свалившимся счастьем. А ровно через девять месяцев, после первой в её жизни ночи любви, на свет появилась Лерочка. Вот так, не успев попрощаться с детством, девочка вошла во взрослую жизнь.

Родившаяся малышка была такой красивой, что весь роддом приходил посмотреть на чудо ребёнка. Альберт, вдохновлённый страстной любовью, написал новую повесть об очаровательной стюардессе, влюбившейся в пассажира, но книгу почему-то не взяло ни одно издательство, и он впал в свою первую творческую депрессию, о которой Лара даже не узнала, он сумел утаить грусть под маской счастливого молодого папаши. Это потом, когда количество неизданных книг перевалило за десяток и отчисления от того, что издавалось раньше, превратились в жалкие гроши, его депрессии стали трансформироваться в многомесячные запои.

А пока, чтобы не рухнула мамина заоблачная карьера, Лерочка была отправлена к бабушке Александре, которая, устав от унижений, решила сменить, предавшую её столицу на тихий посёлок на берегу Азовского моря, где и растила внучку. И городская утончённая девочка вмиг превратилась в маленькую разбойницу с вечно растрёпанными и выгоревшими на солнце волосами, носящуюся в одних трусах по песчаному берегу с варёной кукурузой напёрек, предлагая её отдыхающим за пять копеек.

Бабушке Александре Фёдоровне в течение дня было некогда - сад, огород, курортники, домашнее вино. Она бралась за воспитание внучки лишь вечером, без занудства прививая той изысканные манеры, читая перед сном правильные книги и иногда давая Лерочке порыться в своей шкатулке с драгоценностями, оставшимися от прошлой жизни, и даже позволяла примерить понравившиеся. А потом та, уже тайком от бабушки, накрывшись одеялом, рассматривала импортные журналы, которые мама привозила из международных рейсов и представляла себя в невообразимых по красоте нарядах, в окружении невероятно красивых мужчин. Это было настоящее счастье...

А вот от счастья Лары ни осталось и следа. Единственной утехой были полёты за границу, которые позволяли ей увидеть мир, пусть на бегу или из окна автомобиля, везущего экипаж в гостиницу, пусть под присмотром бдительных агентов, не дающих и шагу ступить без их ведома, но ей всё равно удавалось насытиться запретным плодом, хватало тех жалких минут свободы, отведённых для проформы кем-то понимающим, из высокого руководства. Но больше всего она боялась наступления того дня, когда её начнут называть Ларисой Анатольевной, а потом вообще переведут на внутренние региональные рейсы, где стюардессы превращались в потерявших интерес к жизни бортпроводниц, главная задача которых, вовремя подать пассажиру бумажный пакет, чтобы тот не обрыгал салон.

Но однажды случилось то, что перевернуло жизнь Лары. Вернувшись из очередного рейса чуть раньше, чем планировалось, и едва переступив порог квартиры, она сразу же почувствовала неладное. Нет, её не насторожил запах чужих духов и странные звуки, доносящиеся из спальни, её испугали лаковые женские туфли на высоком каблуке, которые аккуратно стояли возле её домашних тапочек. Если бы Лара сделал ещё шаг, то обязательно наступила бы на них, но она попятилась назад, и тихонько прикрыв дверь, ушла.

- Пал Палыч, поставьте меня, пожалуйста, на ближайший рейс, - попросила она своего начальника, отвечающего за лётный состав.

- Но ты же только что прилетела. Нужно отдохнуть.

- Я вас очень прошу. От этого зависит моя жизнь.

- Ну если жизнь зависит, то лети, - согласился тот, а как он мог не согласиться, ведь Ларочка была его любимицей. - Через два часа Москва - Мюнхен. Я сниму с рейса Свиридову. Привезёшь ей какой-нибудь сувенир. Иди в бухгалтерию, они выпишут командировочные, я распоряжусь.

Десятки раз она летала в Мюнхен, и всегда жила вместе с экипажем в одном и том же отеле, здесь всегда гостей селили в одноместные номера, а это было, ой как важно, ведь сейчас ей хотелось побыть одной. Устроившись поудобнее на широченной кровати, Лара включила телевизор, тот забубнил на знакомом языке, от которого через минуту захотелось встать по стойке смирно и строевым шагом пойти на какую-нибудь войну. Она переключила канал и убавила звук, сразу стало легче. На экране стройные девушки, на которых из одежды были лишь перья и узенькие трусики, украшенные стразами, без устали махали ногами и совершали головокружительные па, демонстрируя зрителям свои аппетитные попки. Как у них всё это легко и доступно, и чем мы хуже, подумала Лара, почему мы должны всю жизнь сдерживать себя, стесняться, бояться и осуждать тех, кто решил выбиться из общей серой толпы в бесформенных балахонах, идущей в заданном направлении. А ведь под этими одеждами порой скрывались настоящие красотки, не хуже тех, что были сейчас на экране. Лера откинула в сторону одеяло и с интересом посмотрела на себя. Как не влюбиться в такое тело? Оно ведь создано для любви и наслаждения. А что оно видело? Что такого ощутило, чтобы потом, в конце жизни, вспоминать с замиранием сердца? Первый секс и сразу беременность, потом роды и маленький орущий ребёнок... Неужели это и есть любовь, вечно ждать какого-то чуда, что муж будет не настолько пьян, и сможет, с горем пополам, довести до оргазма. Многие вообще проживают жизнь, так и не узнав о его существовании. А она знала и хотела, чтобы он повторялся снова и снова. Такой была создана, такой хотела быть, но не понимала как...

В дверь кто-то тихонечко постучал, прервав её размышления, и Лара заметила, как в узкую щель проскользнул конверт. Она вскочила с кровати, набросила халат и выглянула в коридор, но там было пусто, лишь доносился приглушённый смех из комнаты напротив. О содержимом послания можно было даже не задумываться, сколько до этого таких конвертов было выброшено в урну, в нём обязательно должна была быть рекламная листовка, предлагающая расслабиться в компании восхитительных девочек, и всего-то за пятьдесят долларов в час. Лера задумчиво повертела яркую бумажку в руках, представив, а сколько бы раз за ночь получилось у неё. Три точно, а это сто пятьдесят долларов, но возможно и больше, она ведь не пробовала раньше, Альберту одного раза хватало на неделю... Лара решительно сняла трубку и набрала номер, указанный на листовке.

- Халло. Слушаю вас, - донёсся приятный женский голос с того конца провода.

- Я хотела бы пообщаться с фрау Мартой, - чётко артикулируя, по-немецки произнесла Лара, - Это возможно?

- Я сейчас узнаю, - ответила девушка, и явно прикрыв трубку рукой, начала что-то торопливо говорить. Была слышна какая-то возня и пререкания, наконец раздался другой женский голос. - Фрау Марта, слушаю вас. Кто вы и что хотите от меня?

- Меня зовут Лариса. Я из Советского Союза...

- Так, всё! Разговор окончен, - грубо перебила её дама.

- Подождите, прошу вас.

- Никаких дел с советами!

- Я по важному делу, связанному с вашим бизнесом. Мы можем встретиться? - Лара продолжила уговаривать немку.

- Знаю я, чем заканчиваются встречи с русскими. Всё помню.

- Не надо бояться. Я боюсь больше вас, - она понизила голос, - и сильно рискую. Дайте мне десять минут. Пожалуйста.

- Хорошо, но к себе я тебя не пушу, - наконец, смиростивилась фрау Марта. - В каком отеле живёшь?

- "Адриа" на Либигштрассе.

- Спросишь у портье, как пройти к "Ангелу мира". Это совсем рядом, в парке на той стороне реки. Жду тебя ровно в восемь, - деловито произнесла немка. - Я буду сидеть на лавочке справа от фонтана. У меня будет красная лаковая сумочка с металлическими ручками. Жду минуту, если опоздаешь, можешь забыть обо мне.

- Договорились. Спасибо, фрау Марта, - ответила Лара, и положила трубку.

Времени было предостаточно, чтобы ещё раз всё хорошо обдумать и посчитать. Она понимала, что бросать Альберта нельзя, тогда её не выпустят за границу, несмотря на уважение, репутацию и опыт. Этот пункт в анкете должен быть безупречным. Ну и продолжать жить в нищете ей надоело, Лара помнила те годы, когда мама снималась и получала хорошие гонорары, ей нравилось быть лучше всех, вкусно есть, красиво одеваться и знать, что все вокруг им завидуют. Приятное и давно забытое чувство. Но оно не умерло, а лишь затаилось, и вот теперь вырвалось на свободу, пусть даже в таком, извращённом, по советским меркам, виде. И думала Лара не только о себе, ей надоело, что дочь не живёт дома, что мама горбатится на огороде, стараясь прожить на копеечную пенсию, в конце концов, её бесило, что талантливый муж слоняется без работы и от этого сходит с ума. Наверное, и его измена - это лишь попытка оправдать свою никчемность. Но как бы то ни было, это её семья, её любимые люди, которым она очень скоро сможет помочь.

Фрау Марта оказалась весьма привлекательной дамой. Глядя на неё, невозможно было представить, что она хоть каким-то образом связана с проституцией, на лавочке сидела благопристойная, изысканно одетая женщина, и казалось, что она прямо сейчас достанет из своей красной сумочки томик Гёте и погрузится в чтение.

- Это я вам звонила, - присев рядом, произнесла Лара, оглянувшись по сторонам.

- Чётко и без всякой лирики, что ты хочешь от меня? - строго спросила фрау Марта, окинув взглядом незнакомку.

- Я хочу работать у вас... На особых условиях... Быть внештатной сотрудницей...

- Это как?

- Вы же знаете кто я и откуда. Вы видите, что я хороша собой.

- Очень даже, - причмокнула дама, ещё раз взглянув на Лару. - Но у меня Союз никак не ассоциируется с тем, чем занимаются девочки из моего салона. Мне кажется, что у вас вообще нет секса.

- А как же я появилась на свет?

- Милая моя, это другое. Не путай деторождение с удовольствием. Я продаю удовольствие.

- А я предлагаю вам ещё больше заработать на этом. Скольких клиентов одна ваша девочка обслуживает, ну скажем, за двенадцать часов?

- Максимум пять.

- Я гарантирую восемь, и не по пятьдесят, а по сто долларов за час.

- С чего это такая цена? За что клиент будет платить такие деньги?

- За экзотику. Разве состоятельный немец откажется выебать русскую коммунистку?

- Так ты еще и коммунистка? - удивилась фрау Марта.

- А как бы иначе меня выпустил из страны... Хотя вам этого не понять, - махнув рукой, произнесла Лара. - В общем, сто в час, плюс пятьдесят за каждое из извращений.

- Не думала, что ты так продвинута в этих вопросах.

- Можете даже не сомневаться. Ну и моё тело... Не буду скромничать, но вряд ли хоть какая-то из ваших девочек сможет посоревноваться со мной в этом плане.

- Да, вижу я, - вздохнула дама, - называй условия.

- Я работаю стюардессой на международных авиалиниях и дважды в неделю буду останавливаться в том же отеле. С вас шестнадцать клиентов по моему графику. На этот день вы на свое имя снимаете номер в моём отеле и ключ передаёте мне.

- А это ещё зачем?

- Мы все под присмотром, даже наши паспорта находятся у старшего группы. А кем является старший группы?

- Понятно. Забыла, с кем имею дело, - улыбнулась фрау Марта.

- Цену за меня ставьте какую хотите, своё я назвала. Это чтобы мы не разосрались раньше времени и не заглядывали в чужие карманы.

- Договорились. Когда начинаем?

- Следующий рейс в четверг. Вот, почасовой график, - Лара протянула листок. - Успеете подобрать клиентов?

- Естественно. Главное, чтобы ты не передумала и была готова. Но учти, пути назад не будет. Подведёшь, и я сдам тебя, сама знаешь кому. Единственное в чём помогу, подберу для тебя наряды, уверена, такого у вас нет. Потом рассчитаешься.

Лара чувствовала себя скованной лишь с первым клиентом, но стыд быстро прошёл, достаточно было просто закрыть глаза, и тело само сделало то, что от него требовалось. А ещё, все они хотели услышать русскую речь, это приводило мужчин в какой-то невообразимый трепет и возбуждало так, что не нужны были никакие прелюдии. И каждый из восьми возжелал дополнительные услуги, что стало первым опытом для Лары, ведь ни разу в жизни она этим не занималась. Именно её непосредственность и неопытность доводила клиентов до исступления, и они безропотно выкладывали свои денежки, не требуя даже сдачи. В итоге, за три часа до вылета, на её тумбочке лежало полторы тысячи долларов, оставался вопрос, как такую сумму провезти через границу. Выход подсказала фрау Марта, когда-то вырвавшаяся из Восточного Берлина, в чреве новенького "Трабанта": Чем заработала, там и прячь.

Так деньги, скрученные в тугой рулон, оказались в презервативе, завязанном у основания, и с лёгкостью разместились внутри. Лера даже не почувствовала дискомфорта, наоборот, появилось какое-то новое ощущение, несравнимое ни с чем. На всякий случай она всё же соорудила защитный блок, испачкав кусок ваты кровью из проколотого пальца и затолкав её в трусы. Не всякий рискнёт прикоснуться к окровавленному тампону, который был зажат между ног у женщины. Таков закон природы. Хотя все эти предосторожности были чрезмерны, ведь за всё то время, что она летала за границу, стюардесс ни разу не досматривали с пристрастием, перетрушивали вещи, в поисках порнографических журналов и запрещённой литературы, а так, чтобы раздеть и заглянуть во все потаённые места, такого не было. Пронесло и на этот раз.

Половину из вырученного, Лара спрятала в тайнике, заранее обустроенном в квартире, а остальное, маленькими порциями, поменяла на рубли через знакомого фарцовщика, который гарантировано не кинул бы и не стукнул, иначе и ей, и ему грозила "вышка". Даже с учётом процентов, которые забрали себе барыги, она получила около пяти тысяч рублей. Эта куча денег обжигала руки и провоцировала на безумные поступки, но Лара опомнилась и начала приводить в исполнение свой план.

Когда Альберт получил первую квитанцию на денежный перевод, он не поверил своим глазам, и тут же побежал за советом к жене.

- Не пойму, от кого такие деньги? За что?

- Может за книги?

- Я уже давно никому ничего не посылаю, и переизданий не было. Странно.

Лара отвела мужа в сторону и усадив на диван, крепко сжала его влажную руку.

- Ты умеешь хранить тайну?

- Не пробовал, - растерянно ответил Альберт.

- Придётся научиться. Дело в том, что я вывезла часть твоих рукописей за границу. В Германию. В издательстве всем понравилось. Главный редактор распорядился немедленно отправить в печать. Деньги оттуда. Гонорар будут перечислять каждый месяц. Это делается через немецкое консульство, поэтому ты будешь получать рубли от разных лиц. Для конспирации.

- Господи, неужели я буду, как Солженицын? - чуть не плача произнёс Альберт, крепко обняв Лару.

- Скорее, как Давлатов. Прости, но до Солженицына тебе ещё далековато.

- Да какая разница, как кто, главное, что меня печатают там. Спасибо тебе, Ларочка. Ты так рисковала, вывозя мои рукописи за границу.

- Этот риск оправдан, - улыбнулась она.

- Как тебе это удалось? Что за издательство, и когда я смогу получить отпечатанный экземпляр?

- Об этом забудь. Разве мало того, что тебе приходят хорошие деньги?

- Ну я же писатель, мне хочется видеть плоды своего труда.

- Альберт, не заморачивайся. Ты получаешь гонорар за свои книги, теперь ты кормилец. Понимаешь? Ты много не думай, просто пиши и отдавай рукописи мне. Теперь только от тебя зависит наше благосостояние.

- Ты моя прелесть, - восторженно простонал он. - Что бы я без тебя делал... Я пойду к себе, есть идеи... Буду писать.

- Иди, милый. Чем больше напишешь, тем больше получишь. Заживём. Я всегда верила в тебя. Одна просьба, не болтай языком, а то сядешь, как диссидент, а заодно сяду и я. Ты же этого не хочешь?

Альберт покачал головой, до конца не понимая смысла сказанного, поскольку его сознание было занято мыслями о собственной гениальности.

2

Грядка с зелёными помидорами казалась бесконечной, таким же тягучим было и время, и сколько бы Сашка не поглядывал на часы, скорость движения стрелок не увеличивалась. Всё в этой поездке в колхоз, расположенный на берегу Азовского моря, было хорошо, кроме восьмичасового рабского труда - абсолютно бессмысленного и никому не нужного. Кто купит эти недозревшие помидоры, сваленные в тухлявые ящики или порубленную комбайном картошку, что уж говорить о жухлой капусте и подгнившей кормовой свёкле. Но безропотные студенты каждую осень приезжали сюда, чтобы всё это собирать и даже выполнять нормы, борясь за переходящие знамёна победителей соцсоревнования. Почему же никто не возмущался и не протестовал? Да потому что после нескольких часов трудовой повинности наступало настоящее, никем неконтролируемое счастье.

Можно было бы, конечно, отдыхать после работы, читая книжки, играя в шахматы или смотреть телевизор в ленинской комнате, но в основном подрощенные мальчики и девочки предавались любовным утехам, вперемешку с употреблением дешёвого виноградного вина, купленного в посёлке у предприимчивых бабушек. Вино называлось "барбасянка", продавалось исключительно вёдрами и действовало весьма специфически, сохраняя почти нетронутым сознание и напрочь отключая функции, которые отвечали за гравитацию. После трёх стаканов в теле образовывалась некая лёгкость, движения становились непредсказуемыми и очень плавными, и парочки расплзались по укромным местечкам, чтобы предаться юношескому блуду, который в отдельных случаях заканчивался любовью.

Сашка испытал на себе все прелести этой свободы, кроме одной - с блудом у него снова не заладилось, как и с любовью. Он постоянно приглядывался к Римме, даже начал привыкать, что ему становится приятно, когда та садится рядом или случайно дотрагивается до его плеча

в автобусе, но никаких попыток перевести этот, едва уловимый флирт, на новый уровень, он не делал. Снова побеждал какой-то необъяснимый страх и непонимание, что делать дальше.

Рабочий день уже близился к завершению, ещё чуть-чуть, и раздастся сигнал колхозного автобуса, и нужно будет бросив всё, рвануть к нему, чтобы занять лучшее место, а не стоять всю дорогу в проходе, вцепившись в ржавый холодный поручень.

- Саша, помоги, пожалуйста, ящик перетащить, - услышал он у себя за спиной голос Риммы.

- Можно, - не глядя ей в глаза ответил он, и схватив ящик, потащил его к месту сбора, тем самым выиграв несколько секунд, чтобы осознать случившееся. Это намёк или она просто попросила помочь? Что делать - поставить ящик и уйти или остаться и продолжить разговор? А о чём говорить? Как себя вести? Что скажут остальные, если увидят их вместе? Саша панически перебирал варианты ответов, но ни на один не смог вразумительно ответить. Помощь пришла откуда он не ждал.

- Давай сегодня вечером погуляем, - неожиданно предложила Римма.

Сашка поставил ящик рядом с кучей таких же, и повернулся... А у неё красивые глаза, подумал он..., и волосы... Да и вся такая прикольная, похожа на строгую училку...

Она нравилась ему, но он до этого ничего не сделал, чтобы хотя бы начать общаться с этой девушкой, не говоря уж об отношениях. Смущало многое, но больше всего то, что она была явно из буржуйской семьи, и как бы ни прикидывалась своей, её всё равно выдавали импортные шмотки, необычный запах и манеры. Эти тоненькие пальцы, слегка выющиеся длинные волосы, неторопливая походка, худоба и даже её речь - всё говорило об ином происхождении и воспитании. Куда ему - сыну шахтёра и поварихи из ресторана тягаться с такой, что доказывать ей и чем удивлять. И сейчас Сашка мог просто сказать "нет" и ничего бы не изменилось в его жизни, да и чаша внутренних весов клонилась именно в эту сторону, но совершенно неожиданно для себя он произнёс:

- Давай.

- Я буду в семь на лавочке возле виноградника, - как бы вскользь произнесла она, наклонившись к ящику, чтобы никто ничего не заподозрил.

В автобусе Саша хотел было занять место и для Риммы, но она бросила на него такой взгляд, что тот быстро убрал руку с сиденья, на которое тут же кто-то уселся, и автобус тронулся. В этих поездках особым шиком у девчонок считалось усесться на колени своего парня. Видимо близкий контакт, постоянная тряска и завистливые взоры тех, кому не повезло обзавестись парой, возбуждали даже больше, чем обычный секс. Саше тоже внезапно захотелось ощутить на себе этот контакт. Он поглядывал на Римму и мечтал, как будет держать её за талию, а она обнимать его за шею и щекотать волосами нос. Он представлял это, как наяву, но чем ближе был час икс, тем сильнее колотилось сердце, и не столько от волнения и страха, сколько от предвкушения возможных последствий, к которым он, как оказалось, ещё не был готов.

За полчаса до условленного времени Саша уже сидел на лавочке, увитой виноградом, опасаясь, что кто-нибудь займёт её раньше. Надо сказать, что это была вовсе не лавочка, а обычное бревно, лежащее под забором чьего-то дома, но это место считалось самым укромным и было за многие годы использования до блеска отполировано задницами влюблённых парочек.

Римма появилась неслышно, секунду в секунду, словно стояла за углом и всё это время смотрела на часы.

- Помоги мне сесть, - произнесла она, протянув руку.

Сашка вскочил, и крепко сжал её ладонь.

- Что ты вцепился, как дурак. Пальцы ломаешь.

Он ослабил хватку, но не отпустил. Несмотря на обидные слова и капризный тон, ему было приятно ощущать прохладу её гладкой кожи и вдыхать её аромат.

- О чём будем говорить? - спросила Римма.
- Не знаю, - ответил Саша после длинной паузы.

И он действительно не знал, о чём нужно говорить на первом свидании. Что такого произошло в его жизни, чтобы ей было интересно это услышать; что родители чуть не развелись, о том, как он бросил заниматься музыкой или о его прыжке с вышки, а может о девочке Лене, которую он любил в школе. Сомнительно...

- Сегодня красивая Луна, - выдавил из себя Сашка.
- Да... Люблю смотреть на Луну и звёзды.
- Я тоже, - промямлил он, и робко подвинулся чуть ближе.

И наступила глупая тишина. Они просто сидели рядом и молча смотрели на звёздное небо. Никаких попыток ни с его, ни с её стороны. Саша чувствовал себя полным идиотом, ему было одновременно и стыдно и страшно сделать первый шаг, а вдруг ей не понравится, а вдруг она обидится и уйдёт или захочет чего-то большего...

Когда молчать и думать чёрте о чём уже не было никаких сил, откуда-то сзади раздался детский крик:

- Да целуйтесь вы уже! Надоело ждать!

Саша и Римма испуганно вскочили. По ту сторону забора стояла загорелая девочка, жующая виноград.

- Лера! Ты где!? Домой быстро! Темно уже! - донеслось из глубины двора.
- Ба, иду! - крикнула она, сплюнула косточки, и презрительно взглянув на перепуганную парочку, тихо добавила. - Не интересно с вами, пойду я.

Римма первой пришла в себя и взяла Сашу под руку:

- Погуляем?
- Угу, - ответил тот.

И они до самого отбоя молча прохаживались по улицам спящего посёлка, пугая дворовых собак.

- А завтра погуляем? - спросил Саша, перед тем как войти в общежитие.
- Погуляем, - ответила Римма.

И он был счастлив, и не столько от её ответа - теперь можно было рвануть в туалет, не мог он при ней показать свою слабость, ему казалось стыдным сообщать девушке о том, что очень сильно хочется писать.

Утром Сашка, как всегда, одним из первых прорвался в автобус и наученный вчерашним опытом, не стал занимать место для Риммы, но чуть не потерял сознание, когда она, неожиданно для всех, уселась к нему на колени и обняла за шею. После этого он уже не имел права не полюбить её.

Вечером Сашка сидел на той же лавочке, но только пришёл ещё раньше, чтобы всё хорошенько обдумать и настроиться. И вот послышались шаги, но вместо Риммы на лавочку рядом с ним уселась девчонка, напугавшая их вчера.

- Хочешь виноград? - сказала она, протянув Саше гроздь Дамских пальчиков. - С этой стороны ваши уже всё ободрали, я во дворе сорвала. Последний. Правда вкусный?

Он раскусил несколько виноградин и кивнул.

- Ты не стесняйся, поцелуй её сегодня. Я не буду подглядывать. Меня, кстати, Лера зовут.
- Я знаю. Слушал как бабушка твоя вчера кричала. Строгая?
- Не.
- Уже сентябрь, почему не в школе?
- Я здесь живу. Но мама пообещала, что скоро заберёт нас к себе.
- А в каком ты классе?
- В пятом.
- Учиться нравится?

- Не.

- А почему подглядывала за нами?

- Я за всеми подглядываю. Вы тут не первые сидите. А что ещё делать? Чайку вылечила, креветок наелась, виноград собрала, вина с бабушкой нагнали. Пробовал наше вино?

- Пробовал.

- А вы правда архитекторы?

- Правда. Но пока только учимся в техникуме, - с чувством гордости ответил Саша.

- А то бабушка сказала, что вы хоть и архитекторы, а пьёте и буяните как колхозное мужичьё, чтоб держалась от вас подальше... А что нужно, чтобы выучиться на архитектора?

- Для начала нужно научиться рисовать.

- А я умею, - похвасталась Лера, - недавно Аллу Пугачёву нарисовала акварельными красками. Меня бабушка научила, она у меня актриса, в кино снималась.

- А родители кто?

- Мама на самолётах летает. Она у нас стюардесса. А папа писатель. Я сейчас его книжку читаю.

Саша с изумлением смотрел на эту маленькую девчонку с копной выгоревших волос, и удивлялся тому, как устроен мир. Разве можно было подумать, что бабушка из этого двора, где они почти каждый день воровали виноград и покупали вино, актриса. И почему эти люди всегда находят себе соответствующую пару. Что может быть романтичней - писатель и стюардесса... У Сашки аж дыхание перехватило.

Кем же станет их дочь? Ну да, хочет выучиться на архитектора, продолжить элитный ряд и выйти потом замуж, скажем, за звезду Большого театра или за космонавта. Она обречена на это. А как вырваться из жизненного круга, уготованного судьбой для его семьи? Железнодорожник, шахтёр, повар, домохозяйка... Получится ли у него с архитектурой? Кто знает.

А ещё он обратил внимание, что Лера фантастически красивая девочка, даже несмотря на её обгрызанные ноги, сбитые коленки и причёску, вернее на отсутствие таковой. Можно только представить, как хороши её родители, и это тоже было предметом зависти.

- А почему ты здесь? Почему живёшь с бабушкой, а не с родителями? - спросил Сашка, пытаясь хоть немного разобраться.

- Мама сказала, что так будет лучше. Она занята на работе, всё время летает, дома бывает редко. Папа не выходит из комнаты, пишет свои книги. А у бабушки хорошо. Я уже и плавать научилась, и вино делать. Не пропаду.

- А родители приезжают?

- Конечно. Мама мне журналы привозит. Мы тоже с бабушкой на новый год приезжаем к ним. Но я уже привыкла здесь. Там ни друзей, ни моря. Скучно.

Вдалеке залаяла собака. Девочка выглянула из-за веток.

- Идёт твоя. Пока. Обязательно поцелуй её, - шепнула она, отодвинула в сторону доску на заборе и скрылась в темноте двора.

Сашка не стал откладывать обещанное, и как только Римма оказалась рядом, обнял её и поцеловал в губы, а она изо всех сил впилась в него и долго не отпускала, пока во рту не почувствовался привкус крови. Всё, любовь обрела очертания, жаль было только одного - завтра заканчивалась трудовая повинность и они возвращались в город, где нужно было разобраться, как со всем этим жить дальше.

Утром автобус, набитый ещё не протрезвевшими после бурного прощания студентами, отъехал от общежития. Римма дремала на плече у Сашки, а он, уткнувшись лбом в стекло, смотрел куда-то вдаль, и вдруг, заметил сидящую на заборе девчонку, которая всматривалась в лица, скрывающиеся за грязными окнами. Лера тоже заметила его, улыбнулась, помахала рукой и что-то крикнула. Ничего не было слышно из-за шума в салоне, но он догадался по

её губам: "До встречи". Саша помахал в ответ, и автобус, рванув с места, оставил позади себя кубы пыли, скрывшие очертания этого маленького одинокого существа...

- Ты же проводишь меня домой, - не столько спросила, сколько потребовала Римма, когда они въехали в город.

- Конечно, - ответил Саша, а мог ли он ответить что-то другое после случившегося вчера.

Зато он узнал, что такое окраина города с новостройками, грязью и строительным мусором. Среди всей этой ещё не сформировавшейся красоты стояло несколько типовых девятиэтажек, где и обитала его девушка. Они ещё минут сорок целовались, спрятавшись в темноте за бетонными плитами, а потом, когда Римма убежала, он дождался пока вспыхнет свет в её квартире на третьем этаже, после чего посмотрел на часы, была полночь. Сашка даже представить себе не мог, как он теперь будет добираться домой. К тому же сильно кружилась голова, хотелось есть и невыносимо болели яйца от непрекращающегося возбуждения. Он прошёл пешком почти десять километров, пока его не догнал дежурный ночной троллейбус.

Впереди были выходные, но что-то заставило его выползти из тёплой постели, и даже толком не позавтракав, убежать из дома, чтобы через час стоять у подъезда дома, за дверями которого вчера скрылась Римма. Сашка долго не решался войти; ходил кругами, сидел на бордюре, снова ходил и, наконец, решительно рванул ручку и вбежал на четвёртый этаж, где просидел на подоконнике ещё пару часов, не решаясь спуститься ниже и позвонить в квартиру номер 11. Но сделать это всё-таки пришлось, иначе он бы до конца жизни считал себя трусом и слюнтяем, неспособным на решительный шаг.

- Чем могу быть вам полезен? - спросил интеллигентного вида старичок, открывший дверь.

- А Римма дома? - с трудом выдавил из себя Саша, глядя в пол.

- С кем имею честь говорить?

- Саша... Мы учимся вместе...

- Римма! - крикнул старик, повернувшись назад, - к тебе пришёл Александр!

Через мгновение из-за его спины выглянула она, такая домашняя и от этого показавшаяся ещё более привлекательной.

- Ты знакома с этим молодым человеком?

- Да, - ответила Римма, загадочно улыбнувшись, - это мой друг.

- Друг и только?

- Посмотрим. Деда, что мы кричим на лестнице, - тот сделал шаг в сторону, и Саша вошёл в квартиру.

Убранство с первого взгляда напомнило квартиру его учительницы по музыке, даже пианино было старинное с канделябрами и повсюду книги..., книги..., книги... Возникшая в дверях кухни пожилая женщина, довершила сложившийся образ, поскольку была в точности похожа на актрису Ермолову с портрета знаменитого художника Серова. Позже Саша узнал, что дед Риммы - бывший профессор философии, бабушка - бывший концертмейстер филармонии, а родители - какие-то профсоюзные шишки, отправленные на стройку в братскую Анголу, эту квартиру получили за заслуги перед Родиной.

- Добрый день, молодой человек, - величественно произнесла дама, оценивающе осмотрев гостя с ног до головы. - Вы надолго к нам?

- Здрасьте..., - чуть слышно ответил Саша, и взглянул на Римму, не зная, что говорить дальше.

- Бабуля, не смущай гостя. Мы будем в моей комнате.

- Хорошо, милая. Молодой человек, а позвольте узнать, вы из какой семьи? Кто ваши родители?

- Папа шахтёр, а мама работает поваром в ресторане.

- Кухаркин сын, значит, - недовольно буркнула та, отвернувшись.

- Ба, прекращай, - смущённо произнесла внучка, втокнула Сашу в комнату, захлопнула дверь и повернула ключ в замке.

- Ребятишек сдуру не наделайте..., - донеслось из гостиной.

Саша не успел опомниться от такой встречи, как Римма повисла у него на шее и впилась в его губы.

- Я знала, что ты придёшь, - едва дыша прошептала она, и разжав руки, упала на кровать.

Халатик распахнулся, открыв взору обалдевшего гостя восхитительную картину, которую портили лишь белые кружевные трусики, скрывавшие самое вожделенное место. Саша в растерянности замер.

- Иди ко мне, чего стоишь, как дурак, мне же холодно, - прошептала Римма.

Он бросил опасливый взгляд на дверь.

- Не бойся, никто не посмеет войти...

Саша прилёг рядом, и зачем-то начал гладить её волосы, хотя глаза пожирали вздрагивающее обнажённое тело. Римма схватила его руку и властно переместила ниже... Так Сашка впервые прикоснулся к женской груди, чуть не оцарапавшись о возбуждённые соски. Через какое-то время, немногого осмелев, он двинулся ниже, проникнув пальцами под широкую резинку её трусиков. Девушка так же властно вернула его руку обратно.

- Туда только после свадьбы, - строго произнесла она.

Эта странная любовь продлилась почти год. Ничего не менялось - днём они ходили по коридорам техникума взявшись за руки, вечерами до посинения целовались в парке, а по субботам Римма принимала его у себя дома, позволяя наслаждаться своим телом.

Старики либо уже привыкли к Саше за это время, либо поняли, что лучшей партии для внучки не найти, а может она провела с ними разъяснительную беседу, но ехидные нотки сменились на заискивающие. Теперь его угощали пирогами и изысканными заграничными разносолами, поили вкусным чаем и бесконечно рассказывали какая Римма замечательная хозяйка, умница и красавица.

Однажды, словно почувствовав, что эта ограниченная тактильность начала надоедать Саше она позволила ему снять с себя трусики, при этом намертво сжав ноги, подтверждая тем самым неизменность решения о недопуске в запретную зону до свадьбы. Но сам процесс снятия трусиков был на столько возбуждающим, что случилось юношеская неприятность, и если бы не плотная фланелевая рубашка, заправленная в джинсы, то это был бы настоящий позор. Римма ничего не заметила, а он, наконец получил возможность прикоснуться к треугольничку густых кудрявых волос, так манящих и так возбуждающих, хотя куда уже было ему возбуждаться. Она тоже была на грани, и сдерживалась из последних сил.

- Сашка, всё будет..., - шептала, она, - нужно подождать... Поженимся, и сразу... Иначе нельзя... Я пообещала маме...

- А как мама узнает, было что-то или нет?

- Она почувствует.

- Ладно, я подожду.

- Ты можешь сделать предложение хоть сейчас. Родители сразу приедут и организуют свадьбу.

- Жениться, чтобы переспать с любимой девушкой, прикольно, - произнёс Сашка.

- У тебя будет всё. Не только я. Ты же знаешь, что мои родители очень влиятельны и очень богаты. Они пообещали сразу после свадьбы подарить квартиру и машину. Ты будешь счастлив со мной.

- Можешь считать, что ты меня уговорила, - произнёс он.

На следующий день Саша, как всегда, ехал к своей любимой, задумчиво глядя в окно и перебирая в уме варианты предстоящих ласк и новых уговоров, и ему вдруг стало скучно от этого, он встал, вышел на остановке и пересел в идущий в обратном направлении троллейбус...

Они встретились только осенью. Римма шла по коридору ему навстречу, и не понятно, чего больше было в её взгляде: надежды, непонимания, любви или ненависти, но в любом случае, она была готова броситься в его объятия, всё простить дураку, и забыв об идиотском табу, отдаться, но Саша, даже не глянув в её сторону, прошёл мимо.

3

Эйфория, подстёгиваемая постоянно вырабатывающимся адреналином, на первых парах не позволяли сполна ощутить наслаждение, которое обрушилось на Лару. Она думала, что сможет оставаться холодной, обслуживая клиентов, но ошиблась, её женское начало оказалось настолько страстным, что уже третий контакт стал результативным. Оргазм был настолько бурным, что опешивший бюргер даже насторожился, приняв это за чрезмерно фальшивую актёрскую игру, но быстро понял, что он сейчас не в театре, а в раю.

Лара тоже испугалась своей страсти, испугалась, что это произошло, когда часть сознания оставалась под её контролем, а вторая его половина перешла в полное подчинение к разгорячённой плоти, превратившись в совершенный сексуальный механизм, способный возбудить даже самого безэмоционального мужчину, с трудном скрывавшего армейскую выправку, который пришёл сюда лишь с одной целью, снова поиметь русскую бабу. Почему "снова"? Просто он это уже делал лет тридцать назад, правда позже всё закончилось тем, что его фрау поимел русский солдат, пришедший в Германию пешком, чтобы вернуть должок. Но это уже другая история.

Вечером, после ухода последнего клиента, в номер вошла фрау Марта, на её лице сверкала улыбка во все тридцать два зуба.

- Лара, ты богиня. Я не предполагала, что будет такой ажиотаж. Запись идёт уже на следующий месяц, и в основном с тобой хотят встретиться те, кто уже побывал здесь. Что ты с ними делаешь?

- Веду себя честно. Они пришли за любовью, и я им даю любовь.

- Я никогда этого не пойму. Для меня такой секс, обычная работа, порой даже нелюбимая. Я же вижу глаза своих девочек.

- Всё дело в том, что я не шлюха. Да, я ебусь за деньги, но делаю это от души. Наверное, поэтому мужиков так тянет ко мне. Их просто никто не любил до меня.

- Я впервые встречаю такую женщину, как ты, - восхищённо произнесла фрау Марта, протягивая Ларе пакет с деньгами. - Не могу даже себе представить, что было, если бы я тогда отказала тебе. А ведь даже разговаривать с тобой не хотела. Помнишь?

- Помню, конечно.

- А как ты поняла, что сможешь этим заниматься?

- Даже не знаю. Наверное, ваша рекламная листовка стала отправной точкой. Хотя до этого я несколько десятков таких же выбросила.

- Не жалеешь?

- Нет.

- А бросать не собираешься? - настороженно спросила фрау Марта.

- Не думала об этом. Пока меня всё устраивает. И скажу вам по секрету, мне нравится этим заниматься.

- По тебе видно. Позади целая смена, а ты цветёшь, глаза светятся. Тебе удаётся кончать?

- Сегодня ровно восемь раз. С каждым.

- Завидую тебе, - грустно улыбнулась дама. - Жаль моё время ушло, а то бы взяла пару уроков.

Хотя Ларе и удавалось вздремнуть в промежутках между приходом клиентов, общая усталость сказывалась, и она была не так активна и улыбчива в полёте, но никто этого не замечал, находясь в плену её очарования.

В этот раз всё было, как всегда. Рулончик с долларами постоянно напоминал о себе, перекатываясь внутри, в то время как она разносила пассажирам обеды, что не давало расслабиться ни на секунду, стоило перестать контролировать себя, и могла случиться приятная неожиданность. Лара даже придумала название этому явлению - "девятый клиент". Но с приближением финальной стадии, когда нужно было проходить досмотр, собранность брала верх и глушила спонтанные всплески наслаждения.

- Что-то везём запрещённое или незадекларированное? - дежурно спросил таможенник, взглянув на экран интроскопа. - Драгоценности, валюта, литература.

- Ничего, - спокойно ответила Лара, проходя сквозь рамку металлоискателя, который неожиданно зазвенел.

Рядом тут же возникли три сотрудника таможни, один из которых взял её за локоть и властно произнёс:

- Пройдёмте на досмотр.

Оправдываться, уговаривать, пытаться что-то доказывать было бесполезно, и Лара это знала, поэтому безропотно проследовала за ними. В комнате для досмотра сидел человек в штатском, перед ним на столе лежала раскрытая папка. Он кивнул, и сопровождающие удалились.

- Присаживайтесь, Лариса Анатольевна, - спокойно произнёс он, указав взглядом на стул. От этого спокойствия и от вида папки с её личным делом, внутри всё похолодело.

- А что, досмотра не будет? - спросила она, всё же надеясь, что это обычная формальность.

- Нет смысла. Разрешите представиться - майор Беридзе. В зависимости от того, как пойдёт наш разговор, я могу остаться для вас гражданином майором или вы сможете обращаться ко мне по имени отчеству Виссарион Иосифович, - услышав это, Лара внимательнее взглянула на него. - Да, вы угадали, моего отца звали Иосиф Виссарионович, и я этим горжусь. И по этому поводу всегда рассказываю историю... Вы же не торопитесь? Хотите послушать?

- Куда мне торопиться, - обречённо ответила она.

- Так вот, в нашем дворе, в Тбилиси, жила тётушка Ламара, и у неё было двое детей. Старшенького она назвала Ленин, а младшенького Сталин. Так вот, перед войной кто-то написал донос, и её посадили, - майор сделал паузы, явно дожидаясь вопроса.

- За что?

- А она каждый вечер выходила на балкон и кричала - Ленин, Сталин, сукины дети, идите ужинать, мать вашу.

- Смешно, - натянуто улыбнулась Лара, - но вы же здесь не для того, чтобы рассказывать мне смешные истории.

- Нет, конечно. У нас с вами, Лариса Анатольевна, разговор длинный и весьма неприятный.

- Что я такого натворила, что вызвала такой интерес органов?

- Вам виднее. Я надеялся, что вы сами всё расскажете. Но можно провести досмотр с пристрастием и обнаружить нечто, что вы нелегально провозите через границу. Сколько у вас там на этот раз, - майор нарочито перевёл взгляд вниз, - полторы тысячи или больше?

- Вы хотите меня посадить?

- Ни в коем случае. Как можно такую красивую женщину, да еще с такими талантами отправлять в тюрьму. Хотя, если у нас за валютную спекуляцию в размере двадцать пять долларов, дают до восьми лет, то за полторы тысячи... Сами можете посчитать. И этой суммой вы же не ограничились? Сколько вы уже работаете на фрау Марту?

Лара побледнела, поняв, что это конец. Она была готова прямо сейчас встать, раздеться, извлечь из себя рулон с деньгами и швырнуть его на стол. Но это вряд ли спасло её, поэтому оставалось одно, сдаться.

- Я сделаю всё, что вы скажете, - прошептала она.

- В этом можно было не сомневаться. Давайте сделаем так, мы не будем вас досматривать и не будем мешать заниматься вашим делом, но взамен предлагаем подписать пару бумаг, они, кстати, уже готовы, и работать на органы.

- Это как, делиться с вами деньгами?

- Нет. Нас ваши деньги не интересуют. Нужно выполнять наши поручения, собирать информацию. К вам ходят важные люди и у них всегда есть секреты. Вы меня понимаете?

- Понимаю, не дура..., - Лара ненадолго задумалась. - А можно задать вам один вопрос?

- Про фрау Марту?

- Да.

- Товарищ Шварц работает на нас с сорокового года. Она агент с огромным опытом.

- Теперь понятно, почему она так легко бежала из Западного Берлина.

- Полковник Сутулов лично готовил тот самый "Трабант". Даже водитель, что перевозил Марту через границу, ничего не знал. А за себя можете не переживать, всё останется, как было, мы даже ваш тайник не тронем и мужа не побеспокоим, пусть получает свой липовый гонорар и чувствует себя диссидентом. Да и ваша прекрасная дочь с бабушкой, уж точно не пожалеют, что скоро вернутся домой. Честно говоря, жизнь ваша не изменится, если, конечно, вы сами не захотите её изменить.

- Хорошо, я согласна. Где расписаться?

- Вот и отлично, - он достал из папки несколько листов и разложил их перед Ларой, указав пальцем места для подписи. - Мы ещё встретимся, в более приятной обстановке, и обсудим детали вашей новой работы.

- Я могу идти? - робко спросила Лара

- Да.

- А как быть со следующим рейсом? И что будет с теми людьми, которые мне помогали?

- Я же сказал - ничего в вашей жизни не изменилось, - ответил майор Беридзе, захлопнув папку. - Живите, как прежде, делайте всё, что делали и ждите нашего звонка с инструкциями.

На ватных ногах Лара вышла из комнаты, всё ещё не осознавая того, что это могли быть её последние минуты на свободе, а дальше тихий суд, конфискация имущества и неминуемый расстрел. О том, что будет после этого с мамой и дочкой, она даже думать боялась. Но судьба уготовала ей крутой разворот, из обычной женщины, занимающейся необычным делом, она превратилась в секретного агента под прикрытием. И если раньше о её шалостях знала лишь фрау Марта, то теперь, за каждым её вздохом будет следить целый отдел из Комитета... Мысль об этом вдруг зависла, и Лара с ужасом поняла, что всё это время уже находилась под прищелком, и не факт, что среди её клиентов не было кого-то из них, заброшенного для проверки уровня её мастерства и выявления способности очаровать и разговорить нужного им человека... Стало невообразимо стыдно и красок этому добавил рулончик денег, упакованный в презерватив, который именно сейчас решил сменить своё положение внутри её тела.

- Гражданочка, ваши вещи, - услышала она голос одного из таможенников, и пряча глаза, схватила свою сумку и быстрым шагом пошла прочь от этого места.

Хорошо, что дома никого не было, Лара заперлась ванной, извлекла контейнер с долларами, и отшвырнув его в сторону, погрузилась в горячую воду. Наконец, пришло успокоение, ведь всё не так уж и плохо, подумала она, теперь не нужно волноваться ни о чём и ни о ком. Велика ли цена? Нет, не велика, она же никого не предаёт, не подставляет, никто по её вине не оказывается в тюрьме, она просто добывает информацию у тех, кто ей владеет. Помогая тем самым своей стране, а страна, в свою очередь не мешает ей зарабатывать и жить в своё удовольствие, ради беззаботного существования своей семьи. Шикарные условия... Лара с головой погрузилась в воду, и долго, не дыша, смотрела, вверх сквозь преломляющую пространство плену.

Она не услышала стук в дверь, поэтому вынырнув, чуть не до смерти испугала Альберта, который заорал, как баба, отшатнулся назад, упёрся спиной в стену и почти без чувств сполз на пол.

- Ну ты и дура, блядь..., - прохрипел он, - так же и обоссаться можно.

- Вот бы было смешно, - улыбнулась Лара, положив голову на бортик ванны.

И тут она заметила, что презерватив с долларами лежит у самой руки мужа, одно движение и... И он сделал это движение.

- Лара, а это что? - с недоумением спросил Альберт, вертя в руках странный предмет.

Она выскочила из ванны, выхватила его у мужа, спрятала за спиной и замерла. Вода стекала с мокрых волос и струями скользила по обнажённому телу, собираясь в большую лужу у её ног. Врать или сказать правду, крутилось в голове... Зачем она нужна ему, эта правда... Лара раскрыла ладонь, проткнула ногтем резиновую оболочку презерватива и извлекла оттуда рулончик с деньгами.

- В этот раз я рискнула, и привезла доллары, полученные за твои книги, - соврала она, - смотри, здесь полторы тысячи.

У Альберта глаза чуть не вылезли из орбит. Два потрясения в течение одной минуты, это же гарантированный инфаркт. У него, действительно, посинели губы и онемели кончики пальцев на руках.

- Это же статья... Лара... Нас посадят..., - запричитал он, не сводя глаз с денег.

- Если не пойдёшь в милицию с доносом, то никто об этом не узнает.

- Дай поддержать...

- Бери, они же твои, - Лара протянула руку.

- А что я сними буду делать? Это сколько на наши?

- Даже по самому низкому курсу, около двенадцати тысяч.

- Охуеть... Это же новая "Волга", - с замиранием сердца произнёс Альберт. - Я заработал на "Волгу"...

- Я же говорила, что ты талант, но с "Волгой" пока повременим. Чуть позже.

- Но это же мои деньги, - заныл он.

- Но привезла их я и рисковала тоже я, поэтому последнее слово за мной, а я говорю нет. Мы на них можем год безбедно жить. К тому же скоро нужно будет забирать маму и Лерочку. Хватит с них колхозной романтики.

- Ладно, уговорила, - расслабился Альберт. И только сейчас он обратил внимание, что всё это время Лара стояла перед ним совершенно голая. Он уже давно не видел её вот такой, красивой и доступной, даже забыл, когда последний раз спал с ней. Альберт подполз на коленях ближе и обхватив её ноги, прижался лицом к её влажному лобку.

- Боже, как ты пахнешь...

- А у тебя есть с чем сравнивать? - съязвила она.

- Что ты такое говоришь...

- Признайся честно, трахаешь других баб, пока меня нет? - Лара погрузила пальцы в его шевелюру и начала нежно массировать. - Хотя нет, ничего не говори. Я сейчас назову дату и время с точностью до минуты и даже опишу её туфли, вплоть до размера, цвета и модели, и если ты скажешь, что в этот день занимался чем-то другим, был в кино, бухал с друзьями и ходил на футбол, я сожгу эти деньги прямо здесь, в раковине, а если признаешься, что изменял мне, подумаю, а не отдать ли тебе.

- Прости, Ларочка... Я идиот... Мерзкая тварь... Я не достоин тебя... Она совратила меня... Я не хотел.

- Ты ещё скажи, что больше не будешь.

- А больше и не было.

- Давай без брехни. Я же не требую от тебя отчёт по каждой. Мне нужно только твоё признание. Чтобы ты ощущал себя предателем.

- Я хуже предателя, - уже чуть не плакал Альберт, всё крепче и крепче сжимая ноги жены.

- Дай я вытрусь. И приведи себя в порядок. Жду тебя в спальне. Надеюсь, ещё не научился любить жену?

Лара намотала на голову полотенце и вышла из ванной, а он смотрел ей вслед, любясь восхитительным телом, которое было до одури совершенно. Только что он мог это навсегда потерять... И не только это...

Не дождавшись обещанного звонка, Лара вылетела в Мюнхен, где её уже ждал номер, забронированный на имя Марты Шварц, которая сидела в кресле и перелистывала свежую газету.

- Как мне теперь к вам обращаться? - улыбнувшись, спросила Лара. - Фрау Марта или товарищ Шварц?

- Не будем ничего менять, - ответила она.

- Меня ещё один вопрос волнует, правда, он не касается наших дел. Ваши девочки из салона знают, где и на кого работают?

- Конечно. Они все сотрудницы Штази.

- Как я умудрилась попасть именно к вам? Сколько видела этих рекламных листовок, но почему-то именно ваша стала решающей.

- Моя бабушка сказала бы, что это судьба.

- А почему для этого выбрали именно Мюнхен? - продолжила расспросы Лара. - Ведь все, кто связано с чем-то серьёзным: политики, военные, министры, учёные, они же все в столице.

- Бонн напрягает, там все озабочены делами, напуганы постоянным вниманием со стороны прессы и полиции, а в Мюнхен они приезжают расслабляться, здесь для этого есть всё.

- Значит кто-то из тех, с кем вы уже работаете, были моими клиентами?

- Конечно. И, кстати, завтра в 11.00. к тебе записан Гюнтер Нойер, - фрау Марта перешла на деловой тон. - Помнишь статного молчаливого мужчину с военной выправкой, который всегда приходит в одно и то же время?

- Как его можно забыть. Он прекрасный любовник. Всегда гладко выбрит, одежда отутюжена, ухоженный такой, чистенький и пахнет весенней прохладой. Чувствуется рука любящей жены. Обожает, когда я кончаю первой, ждёт этого. Кажется, что для него важнее угодить меня, чем получить своё. Что не так с его женой?

- Думаю, что всё нормально. У них прекрасная семья, чудные дети. Просто у нас так принято. Мужчина должен иметь свободу. А свобода подразумевает наличие любовницы.

- Но ведь я же не любовница. По сути, я проститутка.

- Он так не считает, если раз за разом жаждет встречи с тобой.

- Тогда к делу, - произнесла Лара, прервав всю эту лирику.

- Господин Нойер курирует в Бундесвере передислокацию американской базы, которую планируется оснастить новыми ракетами средней дальности. Интересует всё - что за ракеты, место дислокации, дальность, количество, мощность. Ну и самое главное - когда они станут на боевое дежурство. По крупным, по мелочам, любая, даже сама незначительная информация, очень важна. Именно из крупниц и собирается общая картина.

- Я попробую.

- Нужно уже не пробовать, а работать, - подвела черту фрау Марта. - Мне пора, да, и у тебя через час первый клиент. Обычный. Можешь расслабиться.

После ставшего уже привычным марафона, у Лары возникла мысль не прятать в этот раз деньги, а попробовать провезти их в открытую, она же теперь своя, но в последнюю минуту опомнилась, но вовремя спохватившись, передумала, ведь её предупредили - всё должно быть как всегда...

И снова на ней зазвенел металлоискатель, и снова её отвели в комнату для досмотра.

- Это стало доброй традицией встречаться здесь, - с ноткой лёгкой иронии произнесла Лара, увидев, сидящего за столом майора Беридзе. - Аппарат настроен на меня или у вас есть кнопка?

- Лариса Анатольевна, искренне рад видеть вас.

- Ещё один такой "досмотр", и девочки начнут о чём-то догадываться.

- Всё, клянусь, это в последний раз. Просто остался неразрешённым один вопрос. Очень личный и очень важный. По крайней мере для меня.

- И что же это за вопрос?

- Мы сейчас проедем в одно место и там я подробно изложу его суть. Вы же не возражаете? - и едва уловимый бес мелькнул в глазах майора Беридзе. - Машина ждёт у служебного входа.

- А как же порядок? Я должна отчитаться перед начальником о полёте.

- Это правильно. Порядок прежде всего. Закройте все дела с Пал Палычем, и спускайтесь вниз, я вас там встречу.

Всю дорогу они просидели молча, лишь изредка Виссарион Иосифович, как бы невзначай, поглядывал на Лару, она же делала вид, что занята рассматриванием городских пейзажей, мелькающих за окном, и на первый взгляд была абсолютно спокойна, хотя в груди всё клокотало от волнения.

Машина остановилась у подъезда одной из сталинских высоток. Майор открыл дверь и подал руку даме, так же любезно распахнул перед ней огромную входную дверь, и Лара очутилась в роскошном холле. Они никогда раньше не бывала в этих зданиях, ставших с недавних времён, символами столицы и была очарована увиденным.

- А что здесь? - спросила она, вертя головой. - Это же жилой дом?

- У Конторы здесь конспиративная квартира. Для особых случаев.

- А сейчас особый случай?

- Даже больше, чем вы могли бы себе представить.

Квартира оказалась не менее роскошна - повсюду современная импортная мебель, на окнах богатые шторы, на полу умопомрачительные по красоте и мягкости ковры.

- Располагайтесь, Лариса Анатольевна. И привыкайте к апартаментам, вам здесь частенько придётся бывать.

- Почему вы так решили?

- Потому что в бумагах, которые вы подписали, есть один пункт, который гласит, что вы обязаны беспрекословно выполнять все требования руководства. А руководство в данный момент желает лишь одного..., - майор сбросил китель и вплотную приблизившись к Ларе, крепко сжал её лицо рукой. - Вы же не будете возражать?

- Нет, - обречённо ответила она. - Только мне нужно на минутку в ванную комнату.

4

Через час экзамен по рисованию должен был закончиться. Лера была не очень довольна своей работой и уже не смотрела на бюст Аполлона, выставленный в центре аудитории, а больше следила за тем, как рисует парень, сидящий впереди неё. У него так ловко всё получалось, штрихи были такие мягкие и так удачно моделировали форму и свет, что нарисованный портрет казался лучше гипсового оригинала. Чуть левее от неё устроился какой-то странный тип, лохматый, дурно пахнувшей и явно нервный. Сначала он долго точил карандаш, добиваясь идеально тонкого и длинного грифеля, когда тот ломался, парень толкал ногой подрамник и начинал сначала. Когда у всех уже почти были готовы портреты, у него в руке был огрызок длиною не больше пяти сантиметров, а на листе всё ещё зияла белая пустота. Наконец, сделав несколько штрихов, и посмотрев на всё это со стороны, он поднял руку.

- Можно выйти в туалет? Очень хочется пить.

- Конечно, молодой человек, только не задерживайтесь. Скоро заканчиваем.
- Я знаю, - ответил он, и вышел из аудитории.

Буквально через пару минут, в распахнутые окна влетел душераздирающий вопль. Все вскочили с мест, чтобы посмотреть, что случилось. Внизу, на ступеньках, у самого входа, в окружении визжащей толпы, лежал тот самый молодой человек, который безуспешно пытался нарисовать портрет Аполлона.

- Серёга!!?? - заорал стоящий рядом с Лерой парень, подавшись вперёд и она от испуга вцепилась в его руку и оттащила в сторону.

- Он... только что... рядом... со мной... сидел, - всхлипывала она. - Зачем он так...?

Парень обнял её и погладил по голове.

- Он наркоман.
- Откуда ты знаешь?
- Мы вместе в техникуме учились.
- Он выживет?
- Вряд ли.

Все ещё немного постояли у окон, дождавшись приезда милиции, и расселись по своим местам. Экзаменаторша подошла к пустому подрамнику, сложила его и отнесла в подсобку.

- Продолжаем. Можете работать ещё полчаса. И закройте, пожалуйста, окна.

Парень, сидевший впереди Леры, за оставшееся время не сделал ни одного штриха, лишь изредка оглядывался и всматривался в её заплаканные глаза.

Позже она постоянно чувствовала на себе его взгляд, и скорее всего это ей нравилось, хотя и сама иногда тайном разглядывала его со стороны, выискивая к чему бы придраться. Весь в фирме, всегда выглажен, выбрит и аккуратно причёсан, на экзаменах вёл себя самоуверенно - раньше всех решал сложные задачки по физике и математике, идеально чертил и хорошо рисовал, она даже подглядывала за тем, как он ловко обращается с карандашом, а на сочинении именно он помог ей со шпорой, благодаря которой она получила хорошую оценку и поступила...

Но целовалась Лера всё это время с другим. Ох уж эти поцелуи, они кружили голову и дурманили, и она не замечала, как пролетает время в пути, после чего следовал коротенький перерыв, когда нужно было отдать дань уважения родителям и выспаться, и снова поцелуи в метро, вернее один поцелуй, длящийся около часа.

Ей было спокойно, что Миша всегда рядом, прибежал по первому зову, кормил пирожками, водил в кино, целовал и провожал домой. А дома Лера укладывалась поудобнее, укрывалась с головой и мечтала о любви.

- Что тебе ещё надо? - недоумевали подружки. - Нормальный же чувак. Любит тебя.
- Но я не люблю его.
- А зачем тогда сосёшься с ним?
- Потому что нравится целоваться.
- Но можно же сосаться с тем, кого любишь.
- Откуда я знаю кого люблю, - капризно отвечала Лера.

Мальчишки всегда любили её. За красивую мордашку, за несговорчивый характер и за умение быть непохожей на других девчонок, именно этим она раздражала одноклассниц и бесила учителей своей ненавистью к школе. Они искренне радовались, когда узнали, что родители решили забрать дочку к себе. Не случись это, и Лера могла бы с лёгкостью покатиться по наклонной и удивительно, что этого не случилось. В целости и сохранности она добралась до института, но нежелание учиться взяло верх и здесь. Ей повезло, что старостой, отвечающим за посещаемость, и вообще за всю группу, был тот самый парень, который вот уже полгода прожигал ей спину взглядом. И не пожалела, что выкланчила у мамы деньги на эти вельвето-

вые джинсы песочного цвета, которые делали её фигуру ещё привлекательней, а его взгляд ещё более обжигающим.

- Саша, спасибо, что опять прикрыл, - подсев к нему на перерыве, ласково произнесла Лера, - а то вчера допоздна проект делала, и на первую пару, ну никак.

- Мне не сложно. А если решила не приходить на какую-то из пар, скажи заранее, чтобы я на ходу не придумывал всякие глупости. А то может дойти и до беременности. Как потом выкручиваться будешь?

- Придётся беременеть, чтобы старосту не подводить, - рассмеялись Лера.

С этого дня словно спали какие-то невидимые оковы, которые раньше мешали общению, и долгие поцелуи с Мишей начали постепенно сходить на нет, пока однажды не прекратились совсем.

- Ты меня бросаешь? - спросил он.

- Не обижайся, Мишка, так будет лучше. Я всё равно не выйду за тебя замуж. Какая из меня жена... И ты не нравишься мне.

- А он значит нравится?

- Кто?

- Староста твой. Ты спрашивала как-то, он жирный или накаченный. Так вот знай - жирный.

- Ну и что. Мы просто дружим.

- Известно, чем такая дружба заканчивается, - обиделся Миша.

А ничего плохого в этой дружбе не было - они ходили в кино на те фильмы, на которые невозможно было достать билеты, пили настоящий кофе и ели сушёные инжир в самом неприступном кафе города и даже были во дворце спорта на концерте Аллы Пугачёвой, где в зале не было ни одного свободного места, а какими вкусностями угощал Сашка, когда она приходила к нему в гости.

Лера знала, что на зимних каникулах он ездил по путёвке в Таллин и привёз оттуда скейт, пообещав, что обязательно научит её кататься, как только потеплеет, а на день рождения взял и подарил ей белоснежные румынские кроссовки, купленные там же. Он знал где её искать, всё свободное время после, да и во время занятий, Лера проводила у подружек в общежитии.

- Ты уверен? Это же так дорого, - с замиранием сердца прошептала она, примеряя кроссовки, хотя несколько пар похожих и вовсе не румынских, стояли дома в обувном шкафу.

- Не важно. Главное, что тебе нравятся.

- Очень нравятся, спасибо, - она прошлась по комнате, любуясь подарком и потом подружески поцеловала Сашу в щёку.

Когда он ушёл, девчонки накупились на Леру с расспросами, а та отнекивалась и уверяла, что они просто дружат.

- Дура ты малолетняя, - зевнув, произнесла Тома, опытная дама, успевшая уже побывать замужем и родить ребёнка, - чувак тебе в любви признался, а ты всё про дружбу какую-то талдычишь.

- Мы даже не целовались ни разу, - попыталась возразить Лера.

- А разве только в этом проявляется любовь? Всё то, что он делает для тебя - вот это любовь. Эти кроссовки, привезённые специально для тебя хрен знает откуда - вот это любовь. Ему приятно доставлять тебе удовольствие - цветы приносить, угощать конфетками, болтать о том, что тебе нравится - это тоже любовь.

- А ещё он "Анжелику" давал мне почитать. Все клянчили, а он дал только мне.

- Вот видишь.

- И что мне теперь делать? - растерянно спросила Лера.

- Он к тебе, как к девочке относится, боится обидеть, оберегает от всего. Он же старше тебя, как минимум, лет на семь. Покажи, что всё поняла и прими его ухаживания не с шуточками твоими, а всерьёз.

Задача оказалась не из лёгких. Лера так переволновалась, что осталась у подруг в общежитии, и на следующий день вообще не пошла на занятия. На часах было двенадцать, когда в дверь постучали. Она была уверена, что это Саша.

- Заходи, открыто!

- Почему прогуливаешь, а меня не предупредила? - спросил он, присаживаясь на край кровати.

- Я не прогуливаю. Я обдумываю вчерашние события.

- А что такого вчера произошло, что нужно так серьёзно обдумывать?

- Твоё отношение ко мне. Я всем говорю, что мы дружим. Это так?

Саша подсел ближе и взял Леру за руку.

- Нет, не так. Я не дружу с тобой... Я люблю тебя... И очень хочу, что ты вышла за меня. Ты согласна?

Лера обняла его и крепко прижалась всем телом, Саша повалил её на кровать, и принялся осыпать поцелуями. И если бы в комнату не вошли подружки, это могло продолжаться до бесконечности.

- Как порядочный человек, я теперь должен встретиться с твоими родителями, - произнёс Саша.

- А ты порядочный? - улыбнулась Лера.

- Старался, но не всегда получалось.

- Сейчас тоже стараешься?

- Нет. Сейчас не стараюсь... Сейчас я такой, как есть.

- А ты любил кого-нибудь до меня?

Саша отвёл в сторону глаза, раздумывая, соврать или сказать правду...

Про Римму он уже давно забыл. А вот что-то похожее на любовь случилось в армии. Из тысяч солдат нашёлся только один - Валдис Лунтен, Сашкин друг, решившийся жениться на местной девчонке. Она была так мила и трогательна, что не сделать этого он не имел права, к тому же так сильно любил эту хрупкую красотку, что в ущерб себе сохранял её девственность до первой брачной ночи.

- Хочу, чтобы ты был свидетелем на моей свадьбе, - предложил Валдис, - заодно присмотришься к подружке невесты. Может понравится. Жалко будет, если такая девка пропадёт.

А подружка, действительно, оказалась породистой, хотя и не такой красивой, как невеста. Её отец был ректором инженерно-строительного института, а мама - деканом архитектурного факультета. И не столько он влюбился в Танечку или она в него, сколько родители влюблись в Сашу. Он боялся этой любви, поэтому даже не пытался трогать их дочь.

А какие столы родители накрывали по воскресеньям, когда он был в увольнении и приходил к ним в гости. Во время одного из таких застолий Танина мама спросила:

- Саша, ты же скоро увольняешься?

- Да, весной.

- А ты не хочешь поступить в наш институт?

- Пока рано об этом думать, - жуя ответил он.

- Мы с папой можем гарантировать твоё поступление. Танечка тоже собирается подавать летом документы на бухучёт. Учились бы вместе, - она с надеждой посмотрела в его глаза.

- Подумаю, - ответил Саша.

Как только родители вышли, Таня прижалась к его плечу.

- Почему ты не хочешь остаться со мной?

- Не в этом дело. Я бы забрал тебя, но разве предки отпустят.

- Не отпускают... Этот точно, - грустно вздохнула она. - Оставайся. Родители помогут. Нам будет хорошо вместе.

- У меня и так вся жизнь по благу... Думаешь почему я здесь, а не в Афгане? Сажу с тобой, пироги вкусные жру. Мама постаралась... Давай лучше подождём немного.

- Хорошо. Я согласна. Подождём, - Танечка, поцеловала Сашу в щёку и отвернулась, чтобы он не видел её слёз.

- Мне пора. До встречи.

Это были последние слова, которые услышала Таня от своего любимого, он не пришёл в следующее воскресенье и больше вообще никогда не приходил, хотя не переставал думать о ней, и о предложении её родителей, которое не давало ему никаких шансов на выбор, решился он, то был бы обязан жениться на их дочери. Не будь этого предложения, он бы с удовольствием продолжил встречаться с этой милой девчонкой и вполне возможно жениться на ней, но всё уже было сказано и решение снова принимал не он. Пора завязывать с этим. И Саша решил забыть о Тане навсегда, вернулся домой после дембеля, выебал любившую всех Маринку и начал готовиться к поступлению в институт.

Сказать по правде, его сексуальный опыт был равен почти нулю. Было лишь несколько попыток, неловких и смешных. Это трудно было назвать полноценным сексом, скорее началом познания, в котором он двигался на ощупь. Про Римму вообще можно не вспоминать, и если ей, скорее всего, было хорошо от такого количества поцелуев и ласк, вполне вероятно, что она даже кончала при этом, то Саше доставалась лишь раздражение, боль в яйцах и тошнота. Именно с того вечера с Мариной и начался отсчёт его мужских подвигов, именно в этот вечер Саша стал настоящим мужчиной. Оставалось лишь понять, а стоило ли это того, чтобы навсегда забыть о милой девочке по имени Таня, вычеркнуть даже из воспоминаний чопорную Римму и растворить в сознании образ белокурой Леночки из 5-го Б.

- Когда мы встретимся ещё? - игриво спросила Марина, застёгивая платье.

- Думаю, что никогда, - холодно ответил Саша.

- Я что-то сделала не так?

- Нет, всё было прекрасно, просто я не люблю тебя.

- А как же... Как же то, что было между нами?

- А что было? Мы трахнули друг друга, и всё. Кстати, хочу тебе сказать, что это был лучший секс в моей жизни...

В тот вечер он всё же проводил Марину до дома, поболтал с ней о каких-то глупостях, поцеловал в щёку и сошёл с её орбиты, чтобы никогда больше не пересечься ни при каких обстоятельствах.

- Ну так что? - не унималась Лера. - Скольких любил до меня?

- Наверное, по-настоящему никого, - всё же соврал Сашка.

- Тогда вечером поедem ко мне, только я позвоню родителям, а то если припрёмся вместе, они с сердечными приступами слягут. Чего-чего, а этого они вряд ли от меня ждут.

Выстояв очередь, Лера зашла в душную телефонную кабинку.

- Ма, я приду сегодня не одна.

- С подружками?

- Нет..., - она замешкалась, подбирая правильные слова. - С молодым человеком... С моим парнем...

После этого короткого разговора Лера опустила в кресло и долго сидела не шевелясь, с застывшей на лице улыбкой, а Альберт засуетился, начал бегать по квартире, двигать мебель, поправлять шторы и истерично протирать пыль на полках.

До этого в гостях у Леры были лишь одноклассники, друзья и приятели, да и она не была похожа на девушку, которая хочет замуж.

- Знакомьтесь, это Саша, - прошмыгнув мимо родителей, произнесла Лера.

Оставленные один на один с гостем, они долго толклись в коридоре, пожимая друг другу руки, вежливо представляясь и украдкой вглядываясь в лица.

- Что вы там застряли? Саша, иди руки мыть. Там уже стол накрыт.

Лера отвела маму в сторону:

- Ну как он тебе?

- Крупноватый какой-то. Ты рядом с ним, как воробышек, - прошептала Лара, оглядываясь. - Любит хоть?

- Ещё как.

- Глупостей только не наделайте.

- Не переживай. Нет никаких глупостей.

Усевшись за пышно накрытый стол, где было всё, о чём можно было только мечтать; от чёрной икры, до экзотического авокадо, Саша принялся украдкой разглядывать родителей Леры. Мама поразила больше всего. На вид ей трудно было дать больше тридцати, хотя умом он понимал, что ей явно под сорок, если не больше. Он смущался и отводил глаза, когда сталкивался с её оценивающим взглядом. Так ведут себя неопытные юнцы, когда ощущают внезапно нахлынувшую любовь к особе, находящейся в совершенно в ином измерении. А мама Леры была явно существом не из нашего мира, в ней всё было не так, словно бог, экспериментируя, добился совершенства и решил не продолжать, чтобы не испортить получившуюся красоту, но сделав это он не думал, что его творение сможет самостоятельно создать нечто ещё более совершенное и что эта прелесть достанется Саше. Конечно, сейчас трудно было поставить знак равенства между мамой и дочкой, не зря говорят, что за одну зрелую и опытную женщину можно без колебаний отдать пару девственниц. Лариса Анатольевна выглядела именно так - зрелая, опытная, любимая и любящая. Ведь только любовь способна сохранить женскую плоть в идеальном состоянии. Обтягивающее коротенькое платье с умопомрачительным декольте лишь подчёркивало и подтверждало это суждение. Если бы Саша встретился с этой женщиной в других обстоятельствах, то он вряд ли смог бы устоять, чтобы не сделать комплимент и попытаться остаться с ней, чего бы это ему ни стоило.

А вот папа показался гостю не соответствующим статусу спутницы жизни. За внешним лоском и нарочитой интеллигентностью скрывался беспробудный алкоголик. Уж Саша знал, что это такое на примере своего отца. Но только в отличие от него, Альберт Александрович был счастливым алкоголиком, и пил не от безысходности, а на радостях, ведь вокруг него, всеми оттенками радуги светилось счастье. Другого слова, кроме как "повезло", трудно было подобрать.

И вот сейчас, поглощая очередной бутерброд с осетриной, Саша подумал, а вот если бы ему дали возможность выбирать, с кем бы он ушёл, с мамой или с её дочерью... И он с ужасом понял, что Лариса Анатольевна не оставляла ни единого шанса своей милой Лерочке... Саша чуть не подавился, испугавшись этих новых чувств.

- Альберт Александрович, постучи нашему гостю по спине, - заботливо произнесла хозяйка дома.

- Сейчас пройдёт... Не надо... Простите..., - прокашлявшись, ответил Саша, вытирая рот салфеткой.

Через пару часов стол опустел, закончились и вопросы, а чем-то нужно было занять гостя, не телевизор же смотреть.

- Саша, а хочешь взглянуть каким милым ребёнком была наша Лерочка? - предложила мама. - Альберт, принеси наши альбомы с фотографиями.

Отец порывлся в шкаф, и выложил на стол несколько. Саша начал листать их, а родители наперебой комментировали каждый снимок: вот Лера сразу после роддома, а здесь с отцом на

прогулке, а здесь идёт в первый класс, вот она во втором ряду с огромными бантами, а вот она у бабушки на море...

Неожиданно зазвонил телефон, Лара выбежала из комнаты и через минуту позвала мужа.

- Это по работе, - объяснила Лера, - часто звонят по выходным.

А Саша её не слышал, он смотрел на последние фотографии, на которых симпатичная девчонка, то плескалась в море, то ела виноград, то сидела у бабушки на коленях. Его сознание откатывалось назад, доставая из самых дальних уголков сохранившиеся воспоминания. Теперь он видел снимки из своего прошлого: вот он на море, сидит на лавочке, увитой виноградом, а вот рядом с ним та самая девочка, они разговаривают о чем-то, а вот она стоит в клубах пыли и машет рукой вслед уезжающему автобусу со студентами...

- А где снимались эти фотографии и когда? - спросил Саша, развернув альбом.

- На Азовском море. Бабушка в Урзуфе жила. Мне здесь лет десять, наверное. А почему спрашиваешь?

- А ты разве не помнишь меня? Мы с девушкой сидели тогда на этой лавочке возле вашего дома, а ты сначала подглядывала за нами, а потом ушла, не дождавшись наших поцелуев. А на следующий день угощала меня виноградом и рассказывала, что нарисовала портрет Аллы Пугачёвой и что вылечила чайку, а она клюнула тебя в руку и улетела.

Лера медленно опустилась на стул, и её взгляд забегал по его лицу, словно сканируя увиденное и сопоставляя с тем, что удалось вспомнить.

- Этого не может быть... Это просто кино какое-то... Как я могла не узнать тебя... Вот я дура.

- Но я ведь тоже тебя не узнал.

5

Ещё с тех времён, когда его имя не сходило с первых страниц газет, а его книги печатались огромными тиражами, любимым местом Альберта Кошкина, где можно было отдохнуть от назойливых приставаний читателей, был ресторан Центрального Дома Литераторов. Лучшие в городе шашлыки, за каждым столиком богема и водка в неограниченных количествах, даже когда в кармане ни копейки. Альберт запросто выпивал здесь с Евтушенко и Михалковым, Твардовским и Окуджавой, Симоновым и Шукшиным. А потом ему стало стыдно приходить сюда. Нечем было хвастаться, да и не за что было пить, а клянчить в долг не позволяло чувство собственного достоинства. Он хоть и терял иногда человеческий облик, напиваясь до полусмерти, но человеком старался оставаться.

Казалось, что за время творческого простоя, о нём окончательно забыли. Жизненных сил придала Лара, рассказавшая об издании его книг за границей. Какое-то время Альберт тешил себя своим тайным диссидентством, кичился сам перед собой заоблачными гонорарами, но этого было мало, хотелось прежней славы.

Как-то выпив лишнего, он решил взять штурмом некогда милую обитель. Швейцар на входе в ЦДЛ какое-то время упирался, ведь удостоверение Союза писателей оказалось просроченным и членские взносы давно не плачены, но всё же смиростивился, вспомнив, как Альберт Кошкин шикарно гулял здесь раньше, оставляя ему немалые чаевые. Здесь всё было прекрасно, и что самое главное - ничего не изменилось, те же деревянные элементы в оформлении интерьера, портреты литературных гениев на стенах, огромные кожаные диваны и кованные люстры, свисающие с резного потолка... И запах... Его ни с чем невозможно было спутать - устойчивый микс дорогого курева, изысканного алкоголя и божественных ароматов кухни.

- В ресторане мест нет, тем сейчас Жванецкий читает, - уведомил швейцар, аккуратно укладывая в карман пятьдесят рублей, полученные от Альберта.

- А буфет работает?

- Как же без буфета. В лучшем виде.

Заказав сто пятьдесят грамм водки и бутерброд с чёрной икрой, он уселся с краю, чтобы видеть всех входящих, готовый ответить на любые вопросы и рассказать всё то, что до сих пор оставалось тайной. Пусть, суки, завидуют. Ждать пришлось недолго, из ресторана ещё доносились аплодисменты и крики "браво", а в буфет уже потянулись жаждущие.

- Альбертик! Сколько лет, сколько зим! - раскинув в стороны руки, воскликнул Тимур Звягинцев, бывший друг и собутыльник, а в свободное от пьянства время, детский писатель.

- Какими судьбами? Сколько мы не виделись?

- Достаточно, чтобы забыть друг о друге, - язвительно ответил Альберт.

- Прекрати. Раз ты здесь, значит всё хорошо. У тебя же всё хорошо?

- Лучше всех, - он демонстративно достал из кармана пачку червонцев и послунявив палец, отсчитал тридцатку. - Зиночка! Пятсот "Арарата" организуй, пожалуйста, и ещё пару бутербродиков!

- Не по-детски шикаешь, - выпучив глаза, произнёс Звягинцев, присаживаясь рядом - Ты же поллитруху сам не одолеешь.

- Так ты поможешь. Как там на писательском фронте? Детишки довольны твоими сказками?

- Ну почему же сказками? Недавно вышла повесть о пионерах-героях. Обещают внести в список на госпремию.

- Конъюнктурщиком был конъюнктурщиком и остался. Ты бы ещё про Малую землю написал, - попытался подначить Альберт.

- Надо будет и напишу. А ты, прям, пишешь, что хочешь.

- Представь, так и есть.

- Что-то не встречал я последнее время ничего, написанного тобой.

- И не встретишь. Для этого не здесь нужно находиться.

- А где же?

- Там, - Альберт многозначительно кивнул головой и перевёл глаза в сторону.

- За бугром, что ли? - понизил голос Звягинцев, зыркнув по сторонам. - Тоже мне, Солженицын нашёлся. Про зенков пишешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.